

ПСКОВСКАЯ МОСКВА

Это — мой нерукотворный венец,
С плотью, духом и судьбой нераздельный,
Древний край, где жили мать и отец,
Для меня — не только место рожденья.
Это — город, и деревня, и сад,
Сотворенные мозолями предков,
Это — древо их трудов и утрат,
Жизнь моя — его молодшая ветка...

С. Золотцев

Есть в России места, создавая которые природа-матушка не скупилась: за каждым ромашковым косогором блестит озерцо, разнотравные луга тянутся до леса, где в самых потаенных местах бьют из-под земли чистейшие родники. Такова Псковщина, земля, органично сочетающая в себе красоты нашей северо-западной природы. Тут и луга с душистым клевером, овраги и кручи с белой накипью черемухи, волны люпина вдоль дорог и бесконечное количество деревень, где около десятка домов, сразу за покосившимся от времени забором лес, а из жителей — только старики. Такие деревушки зовут безнадежно обреченным словом «неперспективные». Другие могут выжить в условиях нового времени, а у них вроде как и надежды нет. Но они существуют, хоть и теплится в них жизнь едва-едва.

В шестидесяти километрах от Пскова, в стороне от Гдовского шоссе, расположилась живописная деревенька с особенным, дорогим русскому сердцу названием. Она тезка самой Москве Белокаменной. По-разному толкуется происхождение этого имени. Еще от своих родителей помнят старожилы, что места здешние были всегда вязкие, мозглые. Ученые-лингвисты считают, что слова «мозглый» и «Москва» являются родственными. Но селянам по душе другая легенда о рождении деревни с таким звучным именем. Говорят, что в конце XVI в. в эти места вернулся со столичной службы солдат, срубил себе дом, осел на здешней земле, пустил корни, как говорят. Он якобы и нарек это место Москвой.

Люди издавна селились в деревнях и места для своего жилья выбирали особенные. Вот и наша псковская Москва, маленькая сестренка столицы, семь своих изб расположила на пригор-

ке, по соседству с живописным озером, которое местные жители, не мудрствуя лукаво, назвали Московским. Оно лишь крошечная жемчужинка в сверкающем ожерелье озер Псковского края. Идешь деревенской улицей, и кажется, будто сама Россия смотрит на тебя глазами простеньких окошек с вышитыми занавесками.

В Москве есть свои особенные места, память о которых бережно передается из поколения в поколение. Давным-давно за деревней, под косогором, поросшим вереском и чабрецом, пробил себе дорожку родник. Водяная жила бьет из-под песка десятком маленьких фонтанчиков, будто кипит. Поэтому люди и назвали родник кипунком. В жаркий день его студеной вода приятно ломит зубы и дарит долгожданное облегчение. Около ста пятидесяти лет тому назад умелец из местных построил у кипунка часовенку в честь святых Фрола и Лавра. В ней проводились все молебны. Но празднование Дня святого Фрола 30 августа было особенным. Из центральной усадьбы приезжали нарядно украшенные подводы. Батюшка служил молебен, народ гулял и веселился с присущим русскому человеку размахом. К сожалению, в послевоенное время часовенка была разрушена, до наших дней сохранились лишь остатки каменного фундамента да холодные струи упрямого кипунка, который больше века торит себе дорогу к свету. Только скрыт он теперь от людского глаза стройной березовой рошей, и путнику, знающему о роднике лишь понаслышке, придется приложить немало усилий, чтобы найти среди папоротника спасительный холодок.

На этой благодатной земле, сменяя поколение за поколением, всегда жили добрые, трудолюбивые люди. Здесь до сих пор, уходя в магазин,

не закрывают дверь на замок. Ивовый прутник, воткнутый в щеколду, — вот и весь затвор. Москвичи искренне верят, что недобрых людей Бог отведет от их порога. Именно трудолюбие и вера помогли им в послевоенное время заново отстроить свою Москву, ведь в войну немцы сожгли ее дотла. Деревню возрождали все вместе, кланялись каждому построенному дому. Говорят, трава в ту весну была такая сочная и росла так ярко, будто помогала людям прикрыть следы страшного пожарища. В то, что жизнь на этой земле будет продолжаться, верили все. Шли годы, и эта маленькая деревенька жила вместе со страной: приумножала колхозные богатства, расширяла личные хозяйства, а в восьмидесятые провожала свою молодежь в города за лучшей жизнью. Многие осели там, крестьянских детей на этой земле не осталось. Москва почти обезлюдела и оживает лишь летом, когда приезжают отпускники и дачники. Ни один дом не пустует.

Рано или поздно, но Москва, увы, разделит участь десятков других деревень на Псковщине. Ее попросту не станет. Некому будет ходить по

тропинкам, и лес по кусточку, по деревцу совсем придет в деревню. И аисты, много весен выющие гнездо на столбе посередине деревни, уже никогда не разбудят округу радостным пощелкиванием клювов. Но в сердце останется тоска и неприютность, чувство, что безвозвратно потеряно что-то ценное. Того, кто связан корнями с этими удивительными местами, щемящая грусть тянет в родные края. И человек готов бросить все, чтобы побродить, будоража память, по протоптанному в детстве тропинкам, спрятаться от дождя под лапами огромной ели, с которой они помнят друг друга еще детьми, и радостно осознать, что здесь — его начало. А медовый запах от нагретого солнцем луга! Он манит в детство, когда и дни от забот были короче, и дороги шире, и жизнь в каждой деревушке била ключом. В такие минуты особенно отчетливо осознаешь, что родина малая лишь по территории, потому что чувства рождает в душе глубокие и сильные. Так пусть и впредь расстилается над моей родной Псковщиной медовый аромат детства, оберегая нас от всех невзгод!